

Автор Ли Веталина

Психбольница

18+

Ли Веталина

Психбольница

<https://litres.ru/74084638>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пришла в старую психиатрическую больницу, чтобы работать. Но оказалась в месте, где правду прячут за стенами, а пациенты молчат не потому, что больны.

Психолог Анна только начала свой путь в Корпусе-3, когда нашла первую записку: «Помогите. Я здесь не по своей воле». Девочка-подросток, которую считают безнадёжной, на самом деле — единственная, кто знает, что происходит за закрытыми дверями.

Вместе с молчаливым санитаром Вадимом и пациентом Никитой, который знает больше, чем говорит, Анна начинает расследование. Но правда оказывается страшнее, чем она могла предположить: за стенами больницы скрываются не просто медицинские ошибки, а жестокие преступления.

Чем глубже она копает, тем ближе к краю. Каганы — заведующий и его жена — не остановятся ни перед чем. А Алиса, девочка из Корпуса-3, всё ещё ждёт того, кто её услышит.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Психбольница

Глава

Дисклеймер

Все персонажи, события, диалоги и организации, описанные в данном произведении, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, с реальными организациями, учреждениями или событиями случайны и непреднамеренны.

Названия больниц, медицинских учреждений, а также методы лечения и диагностики, упомянутые в книге, не являются отражением реальной медицинской практики и используются исключительно в художественных целях.

Автор не преследует цели оскорбить, дискредитировать или унижить кого-либо из реальных лиц, а также не даёт рекомендаций по вопросам психического здоровья, диагностики или лечения. Все терапевтические и психологические методы, описанные в романе, являются художественным вымыслом.

Книга является продуктом творческого воображения автора и не должна восприниматься как документальное свидетельство или руководство к действию.

Глава первая

Добро пожаловать в Корпус-3

Анна никогда не думала, что будет бояться запаха хлорки.

В детстве он ассоциировался у неё с чистотой. В студенчестве — с больничной стерильностью, почти уютной. Но сейчас, когда она переступила порог областной психиатрической больницы 8, этот запах ударил в нос с такой силой, что на секунду перехватило дыхание.

— Анна Сергеевна?

Она подняла голову. В дверях приёмного покоя стояла полноватая женщина в синем халате. На бейджике значилось: «Зоя Ильинична, старшая медсестра».

— Да, это я, — Анна заставила себя улыбнуться. — Мне сказали подойти к заведующему.

— Знаю-знаю, — Зоя окинула её быстрым взглядом — оценивающим, как у продавщицы на рынке. — Новенькая психолог. Идёмте, Олег Викторович вас уже ждёт.

Они пошли по длинному коридору. Полы здесь были кафельные, мрачно-жёлтые, стены выкрашены в бледно-зелёный. Окна — под потолком, с решётками. Где-то далеко, за несколькими закрытыми дверями, слышались голоса — то ли спор, то ли песня.

— Тяжело первое время? — спросила Зоя, не оборачиваясь. — Привыкаете?

— Пока нормально, — ответила Анна.

Она не стала говорить, что мысленно уже считает шаги до кабинета. Сто двадцать три от входа. Не для того, чтобы запомнить дорогу. А чтобы отвлечься от нарастающей тревоги.

Зоя остановилась перед массивной дверью с табличкой «Заведующий отделением 3».

— Вам сюда. Я пойду, дел невпроворот.

И ушла, громко цокая каблуками.

Анна постучала.

— Войдите, — раздался спокойный, чуть вкрадчивый голос.

Кабинет оказался просторным и светлым — насколько это вообще возможно в больнице. Большое окно, деревянный стол, книжные шкафы. На стенах — дипломы, грамоты, несколько абстрактных картин. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, с аккуратно зачёсанными седыми волосами и в очках в тонкой оправе. Идеально выглаженный белый халат. Ухоженные руки.

Олег Викторович Каган.

— Анна Сергеевна? Присаживайтесь.

Он указал на стул. Она села.

— Я внимательно изучил ваше резюме, — Каган говорил негромко, но каждое слово звучало отчётливо, как камешек, брошенный в стекло. — Хороший вуз, отличные рекомендации. Почему решили работать именно у нас?

— Я хочу помогать людям с тяжёлыми психическими расстройствами, — ответила Анна.

— Помогать, — Каган улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. — Похвально. Только учтите, Анна Сергеевна: здесь не санаторий. Наши пациенты — люди со сложными судьбами.

У многих — безвозвратно повреждённая психика. Кому-то вы сможете помочь. Кого-то придётся просто наблюдать. А к кому-то вы даже не захотите приближаться.

— Я готова, — сказала Анна.

— Посмотрим, — Каган откинулся на спинку кресла. — Ваше рабочее место — в кабинете 13, на первом этаже. Сегодня познакомитесь с документацией. Завтра — начнёте обход. Постепенно.

— А с какими пациентами я буду работать?

— Все вопросы — ко мне, — мягко перебил Каган. — Я распределяю нагрузку. Единственное, что я прошу строгойше — не нарушать режим. Не заходить без моего ведома в другие отделения. В частности — в Корпус-3. Это закрытая зона. Там лежат пациенты с особо опасными диагнозами. Туда доступ только с моего личного разрешения.

Анна кивнула.

— Я поняла.

— Отлично, — Каган встал, давая понять, что разговор окончен. — Удачи вам. Надеюсь, вы оправдаете мои ожидания.

Комната 13

Кабинет оказался маленьким, заставленным старой мебелью. Пахло здесь не хлоркой, а пылью и, почему-то, валерьянкой.

Анна села за стол и выдохнула.

— Значит, Корпус-3, — прошептала она.

Она не была бы психологом, если бы не заметила, как Каган изменил интонацию при этих словах. Не предупреждение — угроза. Скрытая, завуалированная, но от того не менее реальная.

«Туда нельзя».

Значит, именно там — то, ради чего она сюда пришла.

Она не стала рассказывать Кагану, что позавчера, ещё до официального трудоустройства, разговаривала с человеком, который знает эту больницу изнутри. Санитар по имени Вадим. Он и сказал: «Если хотите понять, что здесь происходит — забудьте про официальную версию. Ищите правду в Корпусе-3».

Анна открыла папку с документами, которую оставил на столе предыдущий психолог.

С первой страницы на неё смотрели глаза.

Пятнадцатилетняя девочка. Светлые волосы, тонкое лицо. Взгляд — пустой, немигающий, как у куклы.

Подпись под фото: «Алиса К., 15 лет. Диагноз: диссоциативное расстройство личности, кататоническая форма».

В папке — ничего, кроме этого фото.

Ни истории болезни. Ни протоколов обследования. Ни записей о лечении.

Пусто.

Анна перелистнула папку. Задняя обложка была чуть отогнута. Оттуда выпал сложенный вчетверо листок.

На нём детским, неровным почерком было написано:

«Помогите. Я здесь не по своей воле. Они делают уколы. Я забываю, кто я. Вы моя надежда. Алиса».

Анна похолодела.

Она поднесла листок к свету. Бумага старая, края истёрты. Записка явно переходила из рук в руки.

Кто её оставил?

И когда?

Она подняла взгляд на дверь. За ней — длинный коридор, решётки, запах хлорки.

И где-то там, за несколькими стенами — Корпус-3.

Анна спрятала записку в карман и закрыла папку.

Рабочий день только начался.

Глава вторая

Шёпот в коридоре

Первый рабочий день Анна запомнила как череду лиц, имен и закрытых дверей.

С утра она прошла по отделению вместе с Зоей. Старшая медсестра двигалась так, будто коридоры принадлежали ей. Не шла — плыла. Каблуки цокали по кафелю, и этот звук разлетался под высокими потолками, отражаясь от голых стен.

— Здесь у нас столовая, — Зоя махнула рукой влево, даже не сбавляя шага. — Завтрак с восьми до девяти, обед с часу до двух, ужин с шести до семи. Опаздывать нельзя — повариха Зинаида закрывает дверь и не открывает ни под каким предлогом. Даже если вы сам главный врач.

— Поняла, — кивнула Анна.

— Там — процедурный кабинет. Туда без направления не соваться, сделают укол — не отмоешься. Там — ординаторская. Там — кабинет заведующего, вы уже были. А там, — Зоя остановилась перед глухой серой дверью с маленьким зарешёченным окошком, — туда вам пока не надо.

Анна прочитала табличку: «Корпус-3. Доступ ограничен».

— А что там? — спросила она как можно более нейтрально.

— Тяжёлые пациенты, — Зоя дёрнула плечом. — Очень тяжёлые. Олег Викторович сам с ними работает. Нам туда хода нет.

— Но я психолог. Мне положено работать со всеми пациентами, независимо от тяжести.

— Олег Викторович, — Зоя выделила голосом имя заведующего, — считает иначе. Вы ему будете подчиняться. Или у вас другие планы?

Анна промолчала. Зоя удовлетворённо кивнула и двинулась дальше.

— Дальше кабинет физкабинета, дальше библиотека, дальше комната отдыха персонала. Там чай, микроволновка, диван. Пользуйтесь, только за собой убирайте. Лариса Валерьевна терпеть не может грязных кружек.

— Лариса Валерьевна?

— Жена Олега Викторовича. Главная медсестра Корпу-

са-3. — Зоя понизила голос, хотя вокруг никого не было. — С ней лучше не спорить. Она... строгая.

Анна хотела спросить — в чём именно выражается эта строгость, но Зоя уже открыла дверь в кабинет 13.

— Ваша берлога. — Она окинула комнату хозяйским взглядом. — Пыльно, конечно. Швабра в подсобке, тряпки там же. Можете прибраться сегодня, пока время есть. Обед — через два часа.

Зоя ушла, оставив Анну одну.

Кабинет 13. Утро.

Кабинет оказался даже меньше, чем показалось вчера.

Стол — старый, советский, с выцветшей клеёнкой. Стул — шатающийся, одна ножка короче других, так что Анна всё время кренилась влево. Шкаф для документов — пустой, если не считать нескольких пыльных папок на нижней полке. На подоконнике — засохший кактус в пластиковом горшке. Анна тронула его пальцем — колючки остались на месте, а сам кактус даже не шелохнулся. Мёртвый. Или просто очень хорошо притворялся.

Она села за стол, положила перед собой папку Алисы.

Ещё раз перечитала записку.

«Помогите. Я здесь не по своей воле. Они делают уколы. Я забываю, кто я. Вы моя надежда. Алиса».

Почерк был детским, но не бессмысленным. Буквы разного размера, некоторые слова сползали вниз — как будто девочка писала на коленке, в темноте, торопясь. Но текст был

внятный, осмысленный. Это не бред. Это крик.

Анна достала из сумки диктофон — маленький, почти игрушечный, который она купила перед выходом на работу. Нажала запись.

— Первое впечатление. Странное отделение. Слишком много закрытых дверей. Слишком много запретов. Сотрудники нервничают, когда я спрашиваю про Корпус-3. Старшая медсестра Зоя избегает прямых ответов. Заведующий Каган вежлив, но чувствуется угроза. Пациентка Алиса, 15 лет, написала записку с просьбой о помощи. В папке — только фото. История болезни исчезла. Нужно проверить, кто её вёл и куда делись документы.

Она выключила диктофон и спрятала его во внутренний карман халата.

В дверь постучали. Коротко, вежливо.

— Войдите.

На пороге стоял санитар. Лет тридцати пяти, невысокий, коренастый. Тёмные волосы коротко стрижены, лицо усталое, обветренное. Глаза — карие, цепкие. Он держал в руках стопку чистых бланков.

— Принимайте пополнение, — сказал он. Голос — низкий, хрипловатый, как у курящего. — Вадим. Санитар. Меня к вам прикрепили на первое время, пока не освоитесь.

— Анна, — она встала, протянула руку. — Психолог.

Вадим пожал ладонь — крепко, но без вызова. Их взгляды встретились на секунду дольше, чем положено при фор-

мальном знакомстве. Анна почувствовала, что он оценивает её. Не как мужчина женщину — как профессионал профессионала.

— Вы уже были в Корпусе-3? — спросил он в лоб.

Анна не ожидала такой прямоты.

— Мне сказали, туда пока нельзя.

— Правильно сказали, — Вадим оглянулся на дверь и шагнул ближе. — Не ходите туда. Вообще. Даже если очень захочется.

— Почему?

— Потому что оттуда не все возвращаются, — он усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой. — В смысле — пациентами. Персонал возвращается, да. Но они уже не те, что заходили.

Анна хотела спросить подробнее, но Вадим поднял руку.

— Всё, что я могу сказать — будете там, зовите меня. Я хоть подстрахую. Бесплатно. — Он подмигнул. — По старой памяти.

Она не стала спрашивать, о какой памяти идёт речь. Они оба знали.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо.

Вадим кивнул и вышел, оставив дверь приоткрытой. В коридоре снова зацокали каблуки Зои.

Первый обход. Знакомство с пациентами.

После обеда Анна отправилась в обход. Зоя выдала ей список пациентов, с которыми можно работать. Тринадцать

фамилий. Тринадцать имён. Все — из «обычного» отделения. Ни одного из Корпуса-3.

— Начните с малого, — посоветовала Зоя. — Войдите в колею. А там, глядишь, Олег Викторович разрешит и к сложным.

Анна взяла список и пошла по палатам.

Первым был Николай Иванович, шестьдесят два года, шизофрения. Он не ответил на её приветствие, сидел на кровати, раскачиваясь вперёд-назад. Анна постояла минуту, записала в блокнот: «ригидность, отсутствие контакта, нуждается в дополнительном обследовании».

Второй — Светлана, тридцать восемь лет, биполярное расстройство. Сегодня она была в депрессивной фазе — лежала лицом к стене, на вопросы отвечала односложно, не глядя.

— Вам что-нибудь нужно? — спросила Анна.

— Тишина, — ответила Светлана. — И чтобы меня оставили в покое.

Анна закрыла дверь.

Третьим был молодой парень, Роман, двадцать четыре года. Диагноз — параноидный психоз. Он стоял у окна, прижавшись лбом к решётке, и бубнил себе под нос.

— Добрый день, — сказала Анна.

— Слышу, — ответил он, не оборачиваясь. — Идите отсюда. Вы не та.

— Кто — не та?

— Та, кого я жду.

— А кого вы ждёте?

Роман резко обернулся. Глаза — бешеные, выпученные.

— Ангела смерти, — прошептал он. — Она обещала прийти в среду. Сегодня среда. Ждите. Она придёт.

Он засмеялся. Смех был высоким, истеричным. Анна вышла в коридор и захлопнула дверь. Сердце колотилось. Она прислонилась к стене и выдохнула.

— Привыкайте, — сказала Зоя, появляясь из-за угла. — Это ещё цветочки.

— Я в порядке, — ответила Анна.

— Я вижу. — Зоя протянула бутылку воды. — Выпейте.

Анна выпила. Вода была тёплой, пахла хлоркой и железом.

— Кто ещё в списке? — спросила она.

— Осталось немного. Но лучше отдохните.

— Я справлюсь.

— Дело не в том, справитесь вы или нет. Дело в том, что после четырнадцати часов у нас тихий час. Пациенты спят. И вам лучше быть в кабинете.

— Почему?

Зоя поджала губы.

— Потому что в тихий час никто не гуляет по коридорам. Ясно?

— Ясно, — сказала Анна.

Она вернулась в кабинет 13, закрыла дверь и села за стол.

Вытащила диктофон, записала коротко:

— Первый обход. Пациенты тяжёлые. Персонал скрытый. Чувствую себя под колпаком.

Потом откинулась на спинку шатающегося стула и закрыла глаза.

И вдруг — услышала.

Где-то далеко, за несколькими стенами, кто-то плакал. Не рыдал, не кричал — именно плакал. Тихо, ровно, как будто эта боль шла не из груди, а из самого воздуха.

Анна открыла глаза.

Плач не прекратился.

Она встала, подошла к двери, приоткрыла. Коридор был пуст. Зоя куда-то ушла, каблук не цокали. За закрытыми дверями — тишина.

Плач шёл оттуда, где висела табличка «Корпус-3. Доступ ограничен».

Анна сделала несколько шагов. Остановилась.

— Не надо, — прошептал голос за спиной.

Она обернулась. Вадим стоял в тени колонны, скрестив руки на груди.

— Не ходите туда сейчас. Особенно в тихий час.

— Кто там плачет?

— Никто. — Он подошёл ближе. — Там никто не плачет.

Если вы кого-то слышите — это ветер. Или трубы. Или вам показалось.

— Мне не показалось.

Вадим вздохнул. Посмотрел на дверь Корпуса-3, потом на Анну.

— Ладно, — сказал он тихо. — Завтра после работы подойдите к чёрному ходу. Я покажу вам кое-что. Но предупреждаю — это опасно.

— Я готова.

— Не сомневаюсь. — Вадим усмехнулся. — Вы всегда были готовы лезть туда, куда не просят. Даже тогда.

Он развернулся и ушёл, бесшумно ступая по кафелю.

Анна вернулась в кабинет. Плач стих.

Но в воздухе всё ещё дрожало что-то холодное, липкое — как чужая боль, которая не знает, как уйти.

Вечер.

После работы Анна задержалась — разбирала бумаги, хотя разбирать было почти нечего. Она ждала, когда разойдётся персонал. Зоя ушла первой — громко хлопнув дверью и даже не попрощавшись. Потом ушли две медсестры, что-то обсуждая на ходу. Вадим где-то задержался.

Анна вышла в коридор.

В больнице было темно и пусто. Только дежурный свет горел в конце коридора — тусклый, желтоватый. Она на цыпочках прошла к двери Корпуса-3.

Приложила ухо к прохладному металлу.

Тишина.

Ни плача. Ни голосов. Ни шагов.

Она толкнула дверь — заперто.

Повернулась и пошла обратно.

И вдруг — листок на полу. Белый, сложенный вчетверо. Лежал прямо у её кабинета.

Анна подняла.

На нём было написано:

«Вы уже близко. Не останавливайтесь. Но не доверяйте никому. Даже тем, кто кажется другом. А.»

Почерк — тот же. Детский, неровный.

Алиса.

Анна спрятала записку в карман, набрала код на двери кабинета и зашла внутрь.

Стояла темнота, пахло пылью и валерьянкой.

Где-то глубоко в стене — или в ней самой — пульсировала тишина.

Глава третья

Мысль перед сном

Ночь Анна почти не спала.

Она лежала на узкой съёмной кровати в квартире, которую сняла на окраине города, и смотрела в потолок. Там, на побелке, кто-то из прошлых жильцов оставил разводы — то ли от протечки, то ли от времени. В темноте они казались лицами.

Она включила лампу — лица исчезли.

Рядом на тумбочке лежали две записки от Алисы. Анна перечитала их снова.

«Помогите. Я здесь не по своей воле. Они делают уколы.

Я забываю, кто я. Вы моя надежда. Алиса».

«Вы уже близко. Не останавливайтесь. Но не доверяйте никому. Даже тем, кто кажется другом. А.»

Вторая записка появилась уже после рабочего дня. Значит, кто-то положил её под дверь кабинета 13, пока Анна была внутри или пока ходила к Корпусу-3.

Кто?

Вадим? У него был доступ. Но зачем ему это? Он и так предложил помощь. Мог бы сказать в лицо.

Зоя? Она держалась на расстоянии. Скорее испугалась бы, чем стала подбрасывать записки.

Сама Алиса? Но Алиса лежала в Корпусе-3. В палате с запертой дверью. Как она могла выбраться?

Анна села на кровати и обхватила колени.

— Не сходи с ума в первый же день, — сказала она вслух. Голос в пустой комнате прозвучал глухо, как в подвале.

Она выключила лампу и попыталась заснуть.

Но в голове крутились цифры. Номер кабинета — 13. Корпус — 3. Пациентов в списке — 13. Тринадцать, тринадцать, тринадцать.

Совпадение?

Или кто-то издевается.

Утро. Второй день.

В больницу Анна пришла за час до официального начала. Хотела застать утреннюю смену, поговорить с теми, кто работает ночью.

Но в приёмном покое было пусто.

Она прошла по коридору, заглянула в ординаторскую — никого. В процедурном кабинете — тоже. Даже столовая Зинаиды оказалась закрыта, хотя по расписанию завтрак должен был начаться через двадцать минут.

— Вы рано, — раздалось за спиной.

Анна обернулась. В дверях стояла женщина в белом халате, с идеально собранными в пучок тёмными волосами. Лицо — острое, скуластое, глаза — холодные, светло-серые. Ни тени улыбки.

— Лариса Валерьевна, — представилась женщина. — Главная медсестра Корпуса-3.

— Анна Сергеевна, — кивнула Анна. — Психолог.

— Я знаю, кто вы, — Лариса говорила ровно, без интонаций, как будто читала инструкцию. — Муж говорил о вас. Хорошие рекомендации. — Она сделала паузу. — Не вздумайте их испортить.

— Я не планирую.

— Умные слова. — Лариса скрестила руки на груди. — Но слова ничего не значат, когда человек начинает совать нос не в свои дела. Ваш кабинет — 13. Ваши пациенты — те, кого вам дадут. Ваше время — с девяти до шести. Всё, что за пределами, вас не касается. Я ясно выражаюсь?

— Вполне, — ответила Анна.

— Отлично. — Лариса развернулась и ушла, не прощаясь.

Цок, цок, цок — её каблук стучали по кафелю чаще и

злее, чем у Зои.

Анна выдохнула.

— Доброе утро, — сказал Вадим, появляясь из-за угла. — Уже познакомились с местной королевой?

— Она всегда такая?

— Всегда, — Вадим протянул Анне пластиковый стаканчик с кофе. — Держите. Выглядите так, будто не спали.

— Спасибо, — Анна взяла кофе, сделала глоток. Горько, без сахара, но горячо. — Вадим, у меня вопрос.

— Валяйте.

— Вчера вечером под дверь моего кабинета появилась записка. Вы не знаете, кто её мог положить?

Вадим замер. Посмотрел на неё внимательно, прищурился.

— Покажите.

Анна достала вторую записку. Вадим прочитал, вернул.

— Почерк Алисы, — сказал он. — Она такие пишет. Только обычно — медсёстрам. Или засовывает в книги в библиотеке.

— Значит, она сама?

— Алиса не выходит из Корпуса-3. Никогда. Даже в столовую её водит лично Лариса. — Вадим оглянулся, понизил голос. — Если эта записка появилась у вашей двери, значит, кто-то передал её за неё.

— Кто?

— Не знаю. Но будьте осторожны. Кому-то очень нужно,

чтобы вы продолжали копать.

— А вам? — спросила Анна. — Вам нужно, чтобы я ко-
пала?

Вадим долго молчал. Потом ответил:

— Мне нужно, чтобы вы не сломались. Потому что если
вы сломаетесь — никто другой не придёт.

Он развернулся и ушёл, оставив Анну с догорающим кофе
в руках.

Первое задание от Кагана

В десять часов Анну вызвали к заведующему.

Олег Каган сидел за своим столом, листал какие-то бума-
ги. Сегодня на нём был не белый халат, а тёмно-синий пи-
джак — он делал его похожим не на врача, а на чиновника.

— Входите, Анна Сергеевна, — он указал на стул. — Есть
разговор.

Она села.

— Первый день прошёл нормально? — спросил Каган.

— Да, спасибо. Знакомилась с пациентами.

— С теми, кого я вам разрешил, — уточнил Каган. — На-
деюсь, вы не нарушали моих указаний?

— Нет, — ответила Анна.

— Хорошо. — Он сложил руки на столе. — Сегодня я хо-
чу поручить вам одно дело. Пациент из Корпуса-3 попросил
о психологической консультации. Формально ему положено.
Неформально — я считаю это пустой тратой времени. Но за-
кон есть закон. Вы сходите, поговорите, составите заключе-

ние. Никакой терапии. Только беседа.

— С кем именно?

— Никита Фёдоров, тридцать один год. Диагноз — параноидная шизофрения с элементами бредообразования. Поступил полгода назад. Агрессии не проявляет, но контактен выборочно. — Каган протянул ей тонкую папку. — Вот его дело. Ознакомьтесь перед визитом.

Анна открыла папку.

Фото. Мужчина лет тридцати, короткие тёмные волосы, серые глаза. Лицо спокойное, даже усталое. Ничего безумного во взгляде.

— Когда мне зайти?

— Сегодня. В четырнадцать ноль-ноль. Вадим проводит.

— Почему не Лариса Валерьевна?

Каган усмехнулся — краем губ, холодно.

— Лариса занята. И потом, вам полезно будет познакомиться с персоналом Корпуса-3 не только через неё. — Он встал. — Всё. Можете идти.

Анна вышла из кабинета с папкой в руках.

«Никита Фёдоров. Тридцать один год. Параноидная шизофрения».

Она перелистнула страницу. История болезни была скудной — стандартные фразы, общие формулировки. Ничего конкретного. Ни имён, ни дат, ни описаний приступов.

Та же пустота, что и в папке Алисы.

Только фото.

Час до встречи

Анна сидела в кабинете 13, перечитывала документы Никита. Без толку. Бумаги ввали — она это чувствовала. Слишком гладко, слишком обтекаемо, как будто кто-то старательно зачистил все острые углы.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошел Вадим. Закрыв за собой дверь.

— Вы идёте к Никите?

— Да. Каган сказал, вы проводите.

— Провожу, — Вадим сел на стул, который жалобно скрипнул. — Только вы должны кое-что знать перед тем, как зайдёте.

— Что именно?

Вадим помолчал. Посмотрел на дверь, потом на неё.

— Я работаю здесь семь лет, Анна. И я видел, как люди заходят в Корпус-3 одними, а выходят... другими. Если вообще выходят. — Он сделал паузу. — Спросите у Никиты. Он многое расскажет. Если захочет.

— Откуда вы знаете, что он расскажет?

— Потому что он позвал именно вас, — ответил Вадим.

— Не психолога. А вас. Он вас ждал.

Он встал.

— Через двадцать минут выхожу к Корпусу-3. Буду ждать у двери. Не опаздывайте.

Он вышел.

Анна осталась одна. Посмотрела на папку, на фото Никита. Серые глаза смотрели с бумаги спокойно, почти насмешливо.

— Ну что ж, — сказала она себе. — Посмотрим, кто ты на самом деле.

Корпус-3. Вход запрещён.

Вадим встретил её ровно в два.

Они прошли по пустому коридору, мимо кабинета Кагана, мимо процедурной, мимо двери, за которой вчера плакали. Остановились перед табличкой «Корпус-3. Доступ ограничен».

— Готовы? — спросил Вадим.

— Да.

Он приложил электронную карту к замку. Дверь щёлкнула и открылась.

Коридор за ней был узким, с низким потолком. Стены — не бледно-зелёные, как в основном отделении, а грязно-серые. Лампы дневного света мигали через раз, создавая неприятный стробоскопический эффект.

— Идёмте за мной, — сказал Вадим. — И не трогайте ничего.

Они прошли мимо трёх закрытых дверей. На каждой — номер и окошко с решёткой. Из-за одной доносилось бормотание, из-за другой — тишина, из-за третьей — чей-то ровный, механический смех.

Анна поёжилась.

— Здесь всегда так? — спросила она шёпотом.

— Здесь всё зависит от того, кто за дверью, — ответил

Вадим.

Он остановился у двери с номером 7.

— Никита здесь. Заходите. Я буду в коридоре. Если что

— кричите.

Он открыл дверь, пропустил Анну внутрь и закрыл за ней.

Палата 7

Комната оказалась маленькой — меньше её кабинета.

Окно — под потолком, зарешеченное. Стены — серые, без картин, без плакатов, без следов жизни. Кровать — узкая, застелена серым одеялом. У стены — стол, на столе — кружка с водой и стопка книг.

Никита сидел за столом, повернувшись к окну.

— Здравствуйте, — сказала Анна.

Он медленно обернулся.

Вблизи он выглядел старше, чем на фото. Под глазами — тени, на скулах — жёсткие складки. Одет — в обычную больничную пижаму, серую, мешковатую.

Но глаза... глаза были ясными. Слишком ясными для человека, который провёл полгода в психушке.

— Вы новенькая, — сказал он. Голос — низкий, спокойный. — Психолог?

— Да. Анна Сергеевна.

— Никита, — он не улыбнулся, но кивнул. — Садитесь. Только осторожно — второй стул шатается.

Она села. Они оказались друг напротив друга — как на собеседовании.

— Каган сказал, вы сами попросили о консультации, — начала Анна.

— Попросил, — Никита откинулся на спинку стула. — Надоело сидеть взаперти. Думал, может, новый психолог окажется умнее старого.

— А старый был неумным?

— Старый боялся, — Никита усмехнулся. — Как и все здесь. Кроме вас, может быть.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы не дрожите. Смотрите на меня без ужаса. И задаёте вопросы, которые не задают те, кто работает здесь давно.

Он наклонился вперёд, положил локти на стол.

— Вы знаете, зачем Каган отправил вас сюда? Не говорить со мной. Напугать. Чтобы вы испугались Корпуса-3 и больше сюда не совались.

— Зачем ему меня пугать?

Никита посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что вы его слабое место. Пока вы не знаете правды, вы безопасны. Как только узнаете — станете угрозой.

Он замолчал.

— И вы собираетесь рассказать мне правду? — спросила Анна.

— Я собираюсь показать, — ответил Никита. — Но не сегодня. Сегодня — просто поговорим. Чтобы у Кагана не было повода вас снять.

— О чём?

— О жизни. О книгах. О погоде. Обо всём, что не касается того, что здесь происходит.

Анна кивнула.

Они проговорили сорок минут. О погоде — действительно было холодно для апреля. О книгах — Никита любил фантастику. О жизни — до больницы он работал архитектором, проектировал мосты.

Ни слова о Кагане. Ни слова об Алисе. Ни слова о том, что происходит в Корпусе-3.

Но когда Анна встала, чтобы уйти, Никита тихо сказал:

— Приходите ещё. Через два дня. Я буду ждать.

— Хорошо, — ответила она.

Вадим ждал в коридоре. Ничего не спросил. Только проводил до двери кабинета 13 и ушёл.

Вечер. Разговор с Зоей.

Анна задержалась в кабинете до семи.

Она записывала на диктофон впечатления о Никите, когда в дверь тихо постучали.

— Да?

Вошла Зоя. Без халата, в обычном платье, с сумкой через плечо — собиралась домой.

— Вы ещё здесь? — удивилась Анна.

— А вы? — Зоя прикрыла дверь. — Вам домой не пора?
— Скоро.

Зоя помялась, потом вдруг выпалила:

— Будьте с Никитой осторожны. Он... он не такой, как кажется. Многие с ним говорили, а потом...

— А потом что? — спросила Анна.

Зоя оглянулась на дверь, подошла ближе и прошептала:

— А потом они начинали верить ему. И это стоило им работы. А одной медсестре — даже свободы.

— Её посадили?

— Уволили. По статье. Сказали, что она нарушала режим, помогала пациентам передавать записки. — Зоя посмотрела на Анну многозначительно. — Записки, Анна Сергеевна. Как те, что находите вы.

Она развернулась и вышла, оставив дверь открытой.

Анна сидела за столом и сжимала в кармане две записки от Алисы.

«Не доверяйте никому. Даже тем, кто кажется другом».

Зоя выглядела как друг. Но она только что сдала Никита. Или предупредила Анну?

Вадим выглядел как союзник. Но откуда он знал, что Анна найдёт записки?

Каган выглядел как начальник. Но он явно что-то скрывал.

Лариса выглядела как враг. Но, может быть, это просто маска?

Анна закрыла глаза и прислонилась головой к стене.

— Чёрт, — прошептала она.

В коридоре снова заплакал кто-то — тихо, безнадёжно, на одной ноте.

Она не пошла туда.

Сегодня — хватит.

Глава четвёртая

Встреча за городом

После разговора с Зоей Анна не могла уснуть.

Она лежала в своей съёмной квартире и смотрела в потолок, пока за окном не начало сереть. Мысли крутились по спирали: Алиса, Никита, пустые папки, записки, Зоя, Каган, Лариса.

И Вадим.

Вадим, который работает здесь семь лет. Вадим, который знал, что Анна будет искать правду. Вадим, который сказал перед трудоустройством: «Если хочешь понять, что здесь происходит — ищи правду в Корпусе-3».

И записки. Две записки от Алисы, которые появились там, где Алиса физически не могла их оставить.

В шесть утра Анна взяла телефон и написала сообщение на номер, который сохранила ещё до того, как переступила порог больницы.

«Нужно встретиться. Не на территории».

Ответ пришёл через три минуты.

«Знаешь старую автобусную остановку за трассой? В три

часа».

Она не знала, но нашла по карте.

Старая остановка

Место оказалось заброшенным: ржавый навес, битое стекло, запах прелых листьев и бензина. Вокруг — поле, лес, пустота. Идеально для разговора, который никто не должен услышать.

Вадим приехал на старой «Ладе» серого цвета. Вышел, огляделся, кивнул.

— Зря приехали, — сказал он вместо приветствия.

— Тогда зачем соглашались?

— Потому что вы не отстанете. — Он закурил. — Я вас знаю, Анна.

— Вы сказали мне перед трудоустройством: «Ищи правду в Корпусе-3». Я ищу. — Она помолчала. — Записки. Это не Алиса их подбрасывала, правда?

Вадим выпустил дым в небо, не ответил.

— Она не могла. Корпус-3 закрыт. У неё нет доступа к моему кабинету. — Анна шагнула ближе. — Это вы.

Он усмехнулся — горько, с каким-то облегчением.

— Умная. Я знал, что вы умная.

— Зачем?

Вадим бросил окурок, растоптал.

— Потому что Алиса действительно просила помощи. Много раз. Но я не мог ничего сделать. Я — санитар. Меня уволят — и всё. А на моё место поставят того, кто не будет

молчать? Нет. Поставят того, кто станет делать то же, что и я, только без жалости. — Он посмотрел на Анну. — А вы — психолог. У вас есть право задавать вопросы. Вас сложнее уволить. И вы не из системы, вы снаружи.

— Поэтому вы подкинули мне записки?

— Поэтому я написал их от её имени, — поправил Вадим. — Почерк я скопировал. Она их не писала. Но она действительно так думает. Я просто дал вам то, что она чувствует, в той форме, в какой вы готовы это принять.

Анна выдохнула.

— Вы манипулировали мной.

— Да. — Вадим не отвёл взгляда. — Как и они. Только я — на вашей стороне.

— Откуда мне знать?

— Ниоткуда, — он пожал плечами. — Вы психолог. Проверьте меня.

Анна молчала. Он ждал.

— Ладно, — сказала она наконец. — Допустим, я вам верю. Что дальше?

— Дальше — Алиса. Вы должны с ней встретиться и понять, что с ней сделали. А потом — Никита. Он знает больше, чем говорит. А потом — Каган. И Лариса.

— Вы знаете, что происходит в Корпусе-3?

Вадим долго молчал.

— Знаю достаточно, чтобы сказать: это не лечится. Это уничтожение личности под видом терапии.

— Почему вы не пошли в полицию?

— Потому что Каган связан с людьми, которые могут сделать так, что меня посадят. Не за то, что я здесь. За то, что было раньше. — Он поморщился. — У меня есть прошлое, Анна. Не спрашивайте какое.

— Я и не спрашиваю, — тихо сказала она. — Мне нужно, чтобы вы помогли мне попасть к Алисе.

— Я помогу. Но сегодня — всё. Вам пора.

— Когда мы встретимся снова?

— Я найду вас. В больнице. — Он отвернулся. — А теперь уезжайте.

Анна кивнула и пошла к своей машине. На полпути обернулась.

— Вадим.

— Что?

— Спасибо, что сказали правду.

Он не ответил.

Утро. Следующего дня

В больницу Анна приехала рано. Спать не хотелось — внутри всё кипело. Она прошла в кабинет 13, включила лампу, села за стол.

Перед ней лежали две записки. Те, которые подбросил Вадим. Те, которые Алиса не писала, но могла бы.

Она взяла одну, перечитала.

«Помогите. Я здесь не по своей воле. Они делают уколы. Я забываю, кто я. Вы моя надежда. Алиса».

Почерк — чужой. Слова — как будто настоящие.

Анна положила записку обратно в конверт и убрала в ящик стола.

Сегодня она сделает всё, чтобы попасть к Алисе.

Даже если для этого придётся идти напролом.

В коридоре зацокали каблуки.

Анна вздохнула, поправила халат и вышла.

Зоя стояла у двери с кружкой в руке.

— Вы рано, — сказала она, прищурившись.

— Нужно было разобрать бумаги.

— Бумаги, — Зоя хмыкнула. — Ну-ну.

Она прошла мимо, не оборачиваясь.

Анна закрыла дверь и выдохнула.

Игра началась.

Дальше — обычный обход. Николай Иванович, Светлана,

Роман, другие лица, другие диагнозы. Всё как вчера.

Но в воздухе висело что-то новое.

Ожидание.

Глава пятая

Алиса К

Анна ждала своего часа.

Она не лезла на рожон, не задавала лишних вопросов, не смотрела в сторону Корпуса-3 слишком долго. Она работала. Ходила по палатам, разговаривала с пациентами, заполняла бумаги, улыбалась Зое, кивала Ларисе Каган, когда та изредка появлялась в коридоре.

Два дня.

Два дня она была образцовой сотрудницей. Тихая. Незаметная. Безопасная.

Но внутри неё всё кипело.

Каждую ночь она перечитывала записки. Каждую ночь прокручивала в голове разговор с Вадимом. Каждую ночь представляла, как войдёт в Корпус-3, откроет палату Алисы и увидит ту, кто — возможно — ждал её дольше, чем кто-либо.

На третий день её терпение лопнуло.

Разрешение

Утром, после обхода, Анну вызвал к себе Каган.

Она зашла в кабинет. Заведующий сидел за столом, перед ним лежала открытая папка с фотографией Алисы.

— Вы хорошо работаете, Анна Сергеевна, — сказал он без предисловий. — Пациенты о вас хорошо отзываются. Персонал тоже.

— Спасибо, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я подумал и решил расширить вашу нагрузку. — Каган подвинул к ней папку. — Пациентка из Корпуса-3. Алиса К. Ей требуется психологическое наблюдение. Формальное, разумеется. Без терапии. Только беседа. Раз в три дня. В присутствии персонала.

Анна взяла папку. Фотография Алисы смотрела на неё пустыми глазами.

— Спасибо, Олег Викторович, — сказала она. — Я не подведу.

— Надеюсь, — Каган посмотрел на неё поверх очков. — Но помните: при малейших признаках ухудшения её состояния — вы докладываете мне. Лично. Никакой самостоятельности.

— Хорошо.

— Вадим проводит вас в Корпус-3. Сегодня. В четырнадцать ноль-ноль.

Анна кивнула и вышла.

В коридоре она остановилась, прислонилась спиной к стене и медленно выдохнула.

— Получилось, — прошептала она.

Час до встречи

Анна сидела в кабинете 13 и смотрела на папку Алисы.

Фотография, пустые листы, несколько стандартных записей о приёме лекарств. Ничего о том, кем она была до больницы. Ничего о семье. Ничего о диагнозе, кроме сухой формулировки.

«Диссоциативное расстройство личности, кататоническая форма».

Что это значило на самом деле?

Что значило — для неё?

В дверь постучали.

— Войдите.

Вадим зашёл, как всегда, без лишних слов. Закрыв дверь,

сел на стул.

— Вы готовы?

— Да. — Анна посмотрела на него. — Только скажите: о чём мне с ней говорить? Она же не отвечает.

— Не знаю, — ответил Вадим. — Никто не знает. С ней говорят, а она молчит. Иногда плачет. Иногда смотрит. Иногда рисует.

— Рисует?

— Да. Странные рисунки. В основном — тени. Или лица без глаз. Или окна с решётками.

Анна поёжилась.

— Я ничего не добьюсь за один раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.